

ФУНКЦІОНУВАННЯ СЛОВ'ЯНСЬКИХ МОВ. АКТУАЛЬНІ ПРОБЛЕМИ ЛІНГВОПРАГМАТИКИ

Е. К. Куварова
Днепровский национальный университет
имени Олеса Гончара

ЯЗЫКОВАЯ РЕФЛЕКСИЯ В ЭПИСТОЛЯРНОМ ТЕКСТЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ПИСЕМ Н. И. ПИРОГОВА)

В статье рассматриваются формы отражения языковой рефлексии в эпистолярном тексте. Показано, что письма фиксируют деятельность сознания их автора, направленную на осмысление таких этапов порождения речи, как мотивация, планирование высказывания, выбор слов. Метаязыковые высказывания способствуют организации коммуникативной деятельности адресанта, обеспечивают адекватность понимания авторского замысла адресатом, а также выполняют эмоционально-экспрессивную функцию и функцию акцентирования, выделяя семантически значимый компонент высказывания.

***Ключевые слова:** эпистолярный текст, письмо, языковая рефлексия, метаязыковые высказывания, рефлексивы.*

Частные письма принадлежат к тем жанровым разновидностям текста, в которых наиболее полно раскрывается языковая личность их автора. Существенной характеристикой языковой личности – особенно если речь идет об элитарном ее типе – является способность к анализу собственного речевого поведения, или языковая рефлексия, которая находит отражение в авторских метаязыковых комментариях своей коммуникативной деятельности, включенных в текст. Изучение метаязыковых комментариев, которые содержатся в текстах частных писем, сопровождая собственно информативную их часть, позволит, на наш взгляд, составить более полное представление о языковой личности автора этих писем и углубить наши знания об аналитической деятельности человеческого сознания, направленной на осмысление процесса речевой коммуникации.

Понятие “рефлексия” очень многогранно, оно изучается в разных областях науки: философии, психологии, педагогике, языкознании, когнитивной лингвистике. В философии под рефлексией понимается “форма теоретической деятельности человека, которая направлена на осмысление своих собственных действий, культуры и ее оснований; деятельность самопознания, раскрывающая специфику душевно-духовного мира человека” [8, с. 445]. К настоящему времени сложилась традиция использовать слово *рефлексия* как общенаучный термин в широком значении ‘осмысление чего-либо’.

В лингвистике понятие “языковая рефлексия” получает различное толкование. При узком понимании этого термина языковая рефлексия отождествляется с понятиями “комментарий”, “оценка”, “толкование”, которые представляют собой вербальную экспликацию размышлений говорящего над собственной речевой деятельностью, комментарий по поводу выбора слова [3, с. 76]. Существует также широкое понимание языковой рефлексии, в соответствии с которым она может трактоваться недифференцированно, как “рефлексия по отношению ко всему, что имеет какое-либо отношение к языку и его использованию” [11, с. 109]. Такое понимание находим, например, у А. Д. Васильева [2], Б. М. Гаспарова [4, с. 17–18], Н. Н. Запольской, которая рассматривает “славянскую лингвистическую рефлексю” в контексте культуры [7, с. 13–44], у Е. Д. Глуховцевой, исследовавшей особенности лингвистической рефлексии в восточнославянских говорах [5]. М. Р. Шумарина пишет: “Метаязыковая (языковая) рефлексия – это деятельность сознания (индивидуального или коллективного), направленная на осмысление фактов языка / речи и не обязательно непосредственно связанная с собственной речевой деятельностью рефлектирующей личности” [12, с. 3]. К объектам языковой рефлексии ученый относит, в частности, общие проблемы языкознания, функции языка, свойства языковых единиц (структуру, семантику, прагматику, экспрессивные возможности) и многое другое. В любом случае, как отмечает А. А. Залевская, обсуждая вопросы терминологии, адекватно отражающей суть явления, “объектом рефлексии является язык, по отношению к которому осмысление рефлекслируемого происходит с помощью языка второго порядка” [6, с. 34].

Относительно законченные метаязыковые высказывания, содержащие комментарий к употребляемому слову или выражению, И. Т. Вепрева называет рефлексивами [3, с. 8]. Она указывает, что рефлексивы “не имеют жестко организованной формы и обычно достаточно вариативны” [3, с. 79]. При этом термин “рефлексив” подчеркивает главную, родовую черту метаязыковых образований – наличие языковой рефлексии, направленность языкового сознания на познание самого себя. В более широком понимании “рефлексив” интерпретируется “как всякий метаязыковой контекст,

реализующий (эксплицитно или имплицитно) метаязыковое суждение о любом факте языка / речи” [12, с. 19].

Лингвисты выделяют типы вербальной рефлексии на основании различных критериев. И. Н. Борисова различает проспективную рефлексию – вербализованные свидетельства о характере замысла предстоящего акта коммуникации – и ретроспективную рефлексию, констатирующую степень реализованности замысла в уже состоявшемся коммуникативном акте [1, с. 123]. И. Т. Вепрева выделяет “два функциональных типа рефлексивов: 1) рефлексивы, реагирующие на коммуникативное напряжение и осуществляющие контроль на речепорождающем уровне; 2) рефлексивы, реагирующие на концептуальное напряжение в речемыслительной деятельности и возникающие на уровне превербального этапа формирования речевого высказывания” [3, с. 103]. Первые она называет коммуникативными рефлексивами, вторые – концептуальными рефлексивами.

По мнению Н. Н. Запольской, типы лингвистической рефлексии следует различать в зависимости от предмета рефлексии и доминирующей идеи: структурный тип (рефлексия над нормами языка), в пределах которого выделяются формальный тип (идея правильности языка) и семантический тип (идея понятности языка); функциональный тип (рефлексия над сферами распространения языка); телеологический тип (идея “исправления” или “создания” языка) [7, с. 13]. Исследователь подчеркивает, что “исходными доминантами славянской лингвистической рефлексии стали идеи понятности и правильности языка” [7, с. 15]. Как видим, языковая рефлексия понимается здесь широко, а ее предмет выходит за рамки собственной речевой деятельности коммуниканта и охватывает разные аспекты устройства и функционирования языка. Но даже если сузить предмет исследования вербальной экспликацией размышлений о языковой деятельности рефлексирующего коммуниканта, следует учесть, как нам кажется, то обстоятельство, что выбор слов в психолингвистической модели порождения высказывания, разработанной Н. И. Жинкиным, А. А. Леонтьевым, А. Р. Лурия, А. Н. Соколовым, осуществляется лишь на завершающих этапах порождения речи, которым предшествует формирование мотива, общего замысла, затем через этап внутренней речи – формирование глубинно-синтаксических структур. При этом уже на этапе внутреннего программирования говорящий учитывает коммуникативные аспекты, связанные, в частности, с особенностями личности адресата. Поэтому вполне логичным будет предположить, что каждый из этапов порождения высказывания в той или иной мере может стать объектом рефлексивного осмысления говорящего.

Ориентируясь на широкое понимание языковой рефлексии, мы поставили **цель** рассмотреть формы отражения языковой рефлексии в эпистолярном тексте, выяснить, какие этапы процесса порождения речи в

первую очередь становятся объектом аналитической деятельности сознания адресанта. Материалом исследования стали письма выдающегося врача-хирурга и ученого Николая Ивановича Пирогова.

Не будучи литератором или филологом, т. е. человеком, чья профессиональная деятельность связана со словесным творчеством, Н. И. Пирогов после завершения врачебной карьеры обобщил накопленный опыт и разнообразные впечатления в таких работах, как “Начала общей военно-полевой хирургии”, “Военно-врачебное дело”, “Дневник старого врача” и др. Значительный материал для такого обобщения дали письма, в частности эпистолярный цикл, созданный во время участия врача в Крымской войне 1854–1855 гг. и опубликованный под названием “Севастопольские письма” [9; 10]. Основу цикла составили письма, адресованные Пироговым жене, включающие фрагмент дневникового характера, обозначенный автором как “журнал моей экспедиции”.

Дневниковая деятельность по сути своей рефлексивна, а в данном случае письма составили естественное продолжение неоконченного журнала экспедиции, что наложило отпечаток на их содержание и стилистику. Пирогов как субъект, организующий собственную коммуникативную деятельность, уже в одном из первых писем из Севастополя формулирует свои намерения: *Пишу, милая Саша, не для тебя одной, а и для других добрых людей, а главное, и для себя, может быть* [9, с. 11]. Осмыслению здесь подвергается мотив речевой деятельности, связанный не только с передачей информации, но и с сохранением ее для самого автора писем с целью использования в будущем, спустя довольно продолжительное время. Этот мотив впоследствии был реализован, поскольку существуют свидетельства, что на факты, изложенные в письмах, их автор позже опирался и в своих научных трудах, и в мемуарно-автобиографической прозе. Мотивация речевой деятельности отражена Пироговым и в других письмах, так, при передаче диалога с главнокомандующим он пишет: *я, спросив его из учтивости, – признаюсь, не из участия, – о состоянии его здоровья, <...> встал и откланялся* [9, с. 21].

Письма содержат коммуникативные рефлексивы перспективного характера, очерчивающие круг возможных читателей текста и таким образом формирующие ситуацию общения: *Я начал писать журнал моей экспедиции и посылаю тебе первые два листка; кто интересуется, как, например, Здекауер, Глазенап, можешь им дать прочесть* [9, с. 13]. Выбор круга адресатов текста прагматически обусловлен: это коллеги врача, к числу которых принадлежал Н. Ф. Здекауер, руководители военной кампании, в частности директор Морского корпуса контр-адмирал Б. А. Глазенап, и другие заинтересованные лица, которые могли повлиять на организацию снабжения армии и на ход военной кампании в целом. Расширение адресации – один из факторов, побуждающих автора изменить жанровую

характеристику своих текстов: он называет их не письмами, а журналом экспедиции или отчетом, соответственно меняется и тип дискурса: с эпистолярного на дневниковый, что проявляется в структуре и стилистике текстов.

Еще одним косвенным адресатом писем была великая княгиня Елена Павловна. Пирогов периодически просит в письмах жену передать княгине информацию о положении дел в Крестовоздвиженской общине сестер милосердия, которой она попечительствовала: *Если она (Елена Павловна – Е. К.) придет спросить, то скажи, что ее сестры до сих пор оказались так ревностными, как только можно требовать; день и ночь в госпитале* [9, с. 31]; *...скажи, что велик[ая] княг[иня] этим действительно оказала услугу истинную человечеству и сделала переворот в госпиталях военных; жаль только, что восемь сестер, как я слышу, заболели* [9, с. 34].

В одном из первых писем цикла отражены раздумья их автора над замыслом текста и связью этого замысла с кругом тех, кому интересно будет получить из них информацию: *Ты, я знаю, милая Саша, была бы довольна и этим одним известием, но есть люди, которые мешаются в чужие дела и хотят непременно знать, как и что и почему и тьму подробностей, для тебя вовсе незанимательных. Я думал-думал, как бы угодить этим господам, а не угодить нельзя добрым людям* [9, с. 11]. Содержание писем Пирогова ориентировано не только на непосредственного их адресата, но и на других “добрых людей”. Таким образом, многоплановость адресации писем детерминирует широту тематического диапазона в пределах отдельного эпистолярного текста и во всем цикле писем.

Перспективная рефлексия связана не только с замыслом и условиями создания письма, но и с композицией, структурным членением текста. Это отражено в таких высказываниях: *Тем предисловие кончается...* [9, с. 11]; *Хочешь ли знать, как я встретил 1855-й год? Вот тебе описание* [9, с. 34] и др. Эти и другие подобные высказывания фиксируют процесс планирования речи, последовательность изложения фактов и авторских рассуждений.

К числу коммуникативных рефлексивов следует, на наш взгляд, отнести и некоторые высказывания ретроспективного типа, где автор письма оценивает истинность изложенной в нем информации как чрезмерную и недопустимую в сложившихся обстоятельствах, вследствие чего ограничивает или откладывает возможность для адресата ознакомиться с текстом: *У меня готово продолжение, но я его не посылаю тебе теперь, потому что, прочитав написанное, я сам испугался, что уже слишком много сказал правды* [9, с. 23], – и в следующем письме опять: *...одно письмо лежит у меня в портфеле; его опасаясь послать, потому что в нем много правды* [9, с. 26]. Решившись, наконец, отправить письмо, Пирогов предупреждает жену: *Письмо, которое ты при этом получишь, не показывай никому; тут я говорю кое-что про Менишкова, чтобы это не разошлось*

[9, с. 30]. Такие высказывания отражают действия субъекта, направленные на регулирование его взаимодействия с адресатом в плане дозированной оптимальным образом передачи информации.

В письмах Пирогова находим также оценки чужих высказываний в отношении их истинности: *словам пленных и перебежчиков нельзя верить* [9, с. 40]; *Сегодня был в первый раз у Остен-Сакена – человека чрезвычайно вежливого и любезного. Он об одном человеке говорит напрямик правду – и поделом* [9, с. 43]. Обращаясь к Е. М. Бакуниной, Пирогов комментирует письмо своей жены: *В письме ее, Вы, верно, и сами заметили, много чувства, а следовательно и правды, хотя бы и нелогической, но это все равно, лишь бы правда* [9, с. 141]. Как видим, в этих утверждениях отражены основные черты авторского речевого идеала, в котором высшей ценностью является правдивость, искренность, связанная с эмоциональной открытостью в общении.

Основной причиной появления в тексте рефлексивов, по мнению И. Т. Вепревой, является коммуникативное напряжение, которое возникает, в частности, в момент поиска говорящим нужного слова, наиболее точно выражающего мысль и обеспечивающего адекватное понимание адресатом смысла высказывания. Метаязыковые высказывания фиксируют разные аспекты этого процесса. В письмах Пирогова находим рефлексивы, направленные на выявление мотивировочного признака производного слова, указание деривационных связей между словами, например: *вытащили из глубины тарантаса трость, приобретающую, по месту ее происхождения, название швейцарки, и начали ею валять встречного и поперечного на станции* [10, с. 63].

Необходимость пояснить выбор способа языкового выражения возникает и тогда, когда автор употребляет стилистически маркированное слово, контрастирующее со стилевым регистром целого текста, и рефлексивы такого рода заключены в следующих высказываниях: *В войне много зла, но есть и поэзия: человек, смотря смерти прямо в рыло, как выражался начальник штаба Семякин, когда шел на приступ с азовцами, смотрит и на жизнь другими глазами* [9, с. 44]; *Сакен беспрестанно разъезжает, высматривая все своими сжатыми в булавочную головку глазками (что придает его взгляду что-то особенное, что называется по-русски моргослепством* [9, с. 48]; *я ему сказал наотрез чистым российским наречием: – Вы-де, Павел Астафьевич, менее моего в этом деле смыслите, и я вам говорю по просту, что в палатках чистое свинство* [9, с. 69]. “Чистое российское наречие” для Пирогова здесь – это высказывание, включающее разговорную лексику с пейоративной коннотацией, точно и адекватно передающую информацию о предмете речи без эвфемизации, свойственной литературно-письменному языку.

В другом письме автор комментирует выбор слова, оценивая его соответствие объекту номинации, причем нужное слово сопоставляется со стилистически нейтральным и лишенным экспрессивности синонимом, что позволяет адресату оценить точность словоупотребления. Это сопоставление формирует такую фигуру речи, как самокоррекция: *можно было уже догадаться, что **подъезжаешь, или, правильнее, ползешь** к месту военных действий* [9, с. 16].

Пирогов, как образованный человек своего времени, знавший классические и современные европейские языки, в поисках нужного слова нередко обращается к ресурсам латинского, немецкого или французского языков, употребляя в тексте иноязычные вкрапления, – и тут же поясняет способ выражения, приводя наиболее близкий русский эквивалент иноязычного слова или ссылаясь на источник выражения либо его автора, а иногда и то и другое, как в следующем контексте: *Мысль учреждения общины в критическое время, ее действия – это все факты – “Errungenschaft”, **по-русски – достигнуто, как выразился король прусский, когда ему было жутко*** [9, с. 142]. Метаязыковые комментарии подобного рода акцентируют внимание читателя на наиболее значимых смысловых компонентах высказывания.

Одной из основных категорий эпистолярного текста его исследователи считают диалогичность, которая имеет разнообразные средства и способы выражения. К числу таких способов можно отнести предвосхищение реакции адресата, его несогласия с позицией адресанта, обозначенной в письме, и упреждение возражений аргументацией, подтверждающей ранее выдвинутый тезис. Используя такой риторический прием, Пирогов описывает предполагаемую реакцию читателя на его рассуждения о гражданской позиции врача: *Я знаю, что все это **можно назвать одной непрактической фантазией**, что так более прилично рассуждать в молодости, но я не виноват, что душа еще не состарилась* [9, с. 67]. Ключевым моментом противопоставления разных точек зрения оказывается выбор номинативных средств: то, как *можно назвать* и как *в действительности называет* автор предмет речи.

Способ номинации предмета речи исключительно важен для автора писем, что получает отражение в высказываниях типа *а я все-таки худого хорошим **не назову*** [9, с. 68]. Рассуждения относительно языковых средств, используемых для наименования, не раз возникают в письмах также в связи с тем, как следует называть сестру, возглавляющую Крестовоздвиженскую общину сестер милосердия. Пирогов пишет: *Я предложил великой княгине **уничтожить чиновническое имя** – главной начальницы, а **называть просто старейшею сестрой*** [9, с. 87]. И впоследствии способ номинации имеет принципиальное значение для врача. В письме к Е. М. Бакуниной он делает ей замечание: *Вы употребили слово начальница, которое, как вы*

знаете, я и Екат. Алекс. Хитрово вычеркнули из прежнего статута общины [9, с. 137].

Обращает на себя внимание богатство лексических средств, которыми Пирогов обозначает собственную речевую деятельность: *я всем уши прожужжал, что при новом деле, если будет хоть тысяча раненых, то они будут валяться, как свиньи; Я уже об этом почти со слезами умолял их иеромонаха; Однако ж я заговорился; Хорошо говорит самому себе: “молчи; это не твое дело”; да нельзя, не молчитя...* [9, с. 60–61, 66].

Речевая деятельность человека включает в себя как процессы порождения текста (письменного или устного), так и восприятие чужой речи, также подвергающееся осмыслению, что находит отражение в эпистолярных текстах. Рефлективы в письмах Н. И. Пирогова фиксируют не только его собственную коммуникативную деятельность, но и чужую; в частности, изображение речевой манеры главнокомандующего князя А. С. Меншикова становится ярким средством экспрессивной характеристики его личности, подкрепляя резко негативную оценку, данную Пироговым князю в целом ряде писем. Объектом изображения и оценки является не столько содержательная сторона высказываний князя, сколько формальная – акустические параметры речи:

– *Вот, как видите-с, в лачужке-с, принимаю вас, – были первые слова главнокомандующего, произнесенные тихим голосом; за этим следовало “хи, хи, хи” с каким-то спазмодически принужденным акцентом* [9, с. 19];

– *Хи, хи, хи, хи, – судорожно произнесенное, но с некоторым удовольствием* [9, с. 21].

Выразителен также обрисованный Пироговым в одном из писем речевой портрет супругов Цветковых – главного врача госпиталя и его жены: *Фекла Кузьминична – дама презентабельная: высокая, толстая и говорит малороссийским диалектом, как пишет. <...> Федор Алексеевич, человек чрезвычайно добрый и смирный, имеет обыкновение приговаривать к каждому слову: сделайте одолжение. Фекла Кузьминична называет его Федюшей. Особенно неприятен ей директор госпиталей... барон фон-Кистер, которого она называет клистером. Без нее Федора Алексеевича давно бы заели; но, как только он начинает ослабевать и подаваться, Фекла Кузьминична крикнет: “Федюша!”, и Федор Алексеевич приосанится и сейчас же скажет (басом): “Сделайте одолжение”* [9, с. 33]. Детали этого портрета (диалектные черты в речи, характерные речевые обороты, способность к языковой игре) свидетельствуют о том, насколько внимателен был Пирогов к манере выражения тех людей, с которыми ему приходилось взаимодействовать, а письма фиксируют процесс осмысления их автором наблюдаемых языковых фактов.

Появление в речи концептуальных рефлексивов является следствием концептуального напряжения, когда говорящий стремится интерпретировать

языковой знак, раскрыть сигнификативное содержание фактов речи. Такого рода рефлексивы в эпистолярной Пирогова редки, они связаны в основном с его стремлением ликвидировать лакуны в апперцепционной базе адресата, связанные с несовпадением опыта корреспондентов и возникшие в результате нового знания, полученного адресантом уже в ходе экспедиции. Например, Пирогов описывает текущие события: *Двое из нас поехали в коляске, я и штаб-лекарь верхами на позицию. Что это за штука такая, позиция? А вот что,* – и далее следует объяснение слова *позиция* и соответствующего понятия.

Таким образом, письма Н. И. Пирогова фиксируют деятельность его сознания, направленную на осмысление таких этапов порождения речи, как мотивация, планирование высказывания, выбор слов, – это узловые моменты, в которых языковая рефлексия становится средством преодоления автоматизма речи. В эпистолярной Пирогова преобладают коммуникативные рефлексивы как проспективного, так и ретроспективного характера. Метаязыковые высказывания, отражающие рефлексивную деятельность автора писем, способствуют организации коммуникативной деятельности адресанта, обеспечивают адекватность понимания авторского замысла адресатом, а также выполняют эмоционально-экспрессивную функцию и функцию акцентирования, выделяя семантически значимый компонент высказывания.

Перспективы дальнейших исследований мы связываем с расширением круга адресантов, чьи письма могут быть привлечены в качестве материала исследования. Это позволит, с одной стороны, сделать обобщения, которые можно экстраполировать на эпистолярные тексты соответствующего временного периода, а с другой – провести сопоставление типов и форм проявления языковой рефлексии в эпистолярной разных авторов.

Л и т е р а т у р а :

1. *Борисова И. Н.* Русский разговорный диалог: структура и динамика / И. Н. Борисова. – М. : Изд-во ЛКИ, 2007. – 320 с.
2. *Васильев А. Д.* Рефлексивы в телевизионном дискурсе / А. Д. Васильев // Речевое общение: Специализированный вестник. – Вып. 3 (11). – Красноярск, 2000. – С. 28–36.
3. *Вепрева И. Т.* Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху / Ирина Трофимовна Вепрева. – М. : ОЛМА-ПРЕСС, 2005. – 384 с.
4. *Гаспаров Б. М.* Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования / Борис Михайлович Гаспаров. – М. : Новое литературное обозрение, 1996. – 352 с.
5. *Глуховцева К. Д.* Лінгвістична рефлексія та її особливості в українських Східнослов'янських говірках / К. Д. Глуховцева // Лінгвістика : зб. наук. праць. № 2 (17). – Луганськ : Вид-во ДЗ “ЛНУ ім. Т. Шевченка”, 2009. – С. 188–193.

6. *Залевская А. А.* “Рефлексия” и “языковое сознание”: вопросы терминологии / А. А. Залевская // Вестник ТвГУ. Серия “Филология”. – 2015. – № 4. – С. 29–36.
7. *Запольская Н. Н.* “Общий” славянский литературный язык: типология лингвистических представлений / Наталья Николаевна Запольская. – М. : Индрик, 2003. – 240 с.
8. *Огурцов А. П.* Рефлексия / А. П. Огурцов // Новая философская энциклопедия. В 4 т. Т. 3. – М. : Мысль, 2010. – С. 445–450.
9. *Пирогов Н. И.* Севастопольские письма и воспоминания / ред. и коммент. С. Я. Штрайха. – М. : Изд-во АН СССР, 1950. – 652 с.
10. Севастопольскія письма Н. И. Пирогова 1854–1855 / под ред. и с примечаниями Ю. Г. Малиса. – Санкт-Петербург, 1907. – 231 с.
11. *Шмелева Т. В.* Языковая рефлексия / Т. В. Шмелева // Теоретические и прикладные аспекты речевого общения: Вестник Российской риторической ассоциации. – Вып. 1 (8). – Красноярск–Ачинск, 1999. – С. 108–110.
12. *Шумарина М. Р.* Метаязыковая рефлексия в фольклорном и литературном тексте : автореф. дис. на соискание уч. степени доктора филол. наук : спец. 10.02.01 “Русский язык” / Марина Робертовна Шумарина. – М., 2011. – 48 с.

R e f e r e n c e s :

1. *Borisova I. N.* Russkiy razgovornyy dialog: struktura i dinamika [Russian conversational dialogue: structure and dynamics] / I. N. Borisova. – М. : Izd-vo LKI, 2007. – 320 s.
2. *Vasilyev A. D.* Refleksivy v televizionnom diskurse [Reflexives in television discourse] / A. D. Vasilyev // Rechevoye obshcheniye: Spetsializirovanny vestnik. – Vyp. 3 (11). – Krasnoyarsk, 2000. – S. 28–36.
3. *Vepreva I. T.* Yazykovaya refleksiya v postsovetskuyu epokhu [Language reflection in the post-Soviet era] / Irina Trofimovna Vepreva. – М. : OLMA-PRESS, 2005. – 384 s.
4. *Gasparov B. M.* Yazyk, pamyat, obraz. Lingvistika yazykovogo sushchestvovaniya [Language, memory, image. Linguistics of linguistic existence] / Boris Mikhailovich Gasparov. – М. : Novoye literaturnoye obozreniye, 1996. – 352 s.
5. *Hlukhovtseva K. D.* Linhvistychna refleksiya ta yiyi osoblyvosti v ukrayins'kykh Skhidnoslobozhans'kykh hovirkakh. [Linguistic reflection and its peculiarities in Ukrainian East Slobozhansky dialects] / K. D. Hlukhovtseva. // Linhvistyka: zb. nauk. prats. – № 2 (17). – Luhansk: Vyd-vo DZ “LNU im. T. Shevchenka”, 2009. – S. 188–193.
6. *Zalenskaya A. A.* “Refleksiya” i “yazykovoye soznaniye”: voprosy terminologii [“Reflection” and “language consciousness”: questions of terminology] / A. A. Zalenskaya // Vestnik TvGU. Seriya “Filologiya”. – №. 4. – Tver, 2015. – S. 29–36.
7. *Zapolskaya N. N.* “Obshchiy” slavyanskiy literaturnyy yazyk: tipologiya lingvisticheskikh predstavleniy [“Common” Slavic literary language: typology of linguistic representations] / Natalya Nikolaevna Zapolskaya. – М. : Indrik, 2003. – 240 s.

8. *Ogurtsov A. P.* (2010), Refleksiya [Reflection] / A. P. Ogurtsov // Novaya filosofskaya entsiklopediya. V 4 t. T. 3. – M. : Mysl, 2010. – S. 445–450.
9. *Pirogov N. I.* Sevastopol letters and memoirs [Sevastopol'skiye pis'ma i vospominaniya] / red. i komment. S. Ya. Shtraykha. – M. : Izd-vo AN SSSR, 1950. – 652 s.
10. Sevastopolskiya pisma N. I. Pirogova 1854–1855 [Sevastopol letters by N. I. Pirogov 1854–1855] / pod red I s primechaniyami Yu. G. Malisa. – St. Petersburg, 1907. – 231 s.
11. *Shmeleva T. V.* Yazykovaya refleksiya [Language reflection] / T. V. Shmeleva // Teoreticheskiye i prikladnyye aspekty rechevogo obshcheniya: Vestnik Rossiyskoy ritoricheskoy assotsiatsii. – Vyp. 1 (8). – Krasnoyarsk–Achinsk, 1999. – S. 108–110.
12. *Shumarina M. R.* Metayazykovaya refleksiya v fol'klornom i literaturnom tekste [Metalanguage reflection in the folklore and literary text] : avtoref. dis. na soiskaniye uch. stepeni doktora filol. nauk: spets. : 02.10.01 “Russian language” / Marina Robertovna Shumarina. – M., 2011. – 48 s.

Куварова О. К. Мовна рефлексія в епістолярному тексті (на матеріалі листів М. І. Пирогова).

У статті розглянуто форми відображення мовної рефлексії в епістолярному тексті. Показано, що листи фіксують діяльність свідомості їх автора, спрямовану на осмислення таких етапів генерування мовлення, як мотивація, планування висловлення, вибір слів. Метамовні висловлення сприяють організації комунікативної діяльності адресанта, забезпечують адекватність розуміння авторського задуму адресатом, а також виконують емоційно-експресивну функцію та функцію акцентування, виокремлюючи семантично значущий компонент висловлення.

Ключові слова: епістолярний текст, лист, мовна рефлексія, метамовні висловлення, рефлексиви.

Kuvarova O. K. Language reflexivity in epistolary text (on the material of N. I. Pirogov's letters).

The purposes of the paper are to consider the forms of language reflexivity in epistolary text and to find out which stages of the process of generating speech become the object of the analytic activity of the recipient's consciousness primarily. Material of the research includes published letters of the outstanding surgeon and scientist N. I. Pirogov, written by him during his participation in the Crimean War of 1854–1855. The letters of N. I. Pirogov manifest the activity of his consciousness, aimed at comprehending such stages of speech generation as motivation, planning statements, choice of words. These are key points in which language reflexivity becomes a means of overcoming the automatism of speech. Communicative reflexives of both a prospective and retrospective nature prevail in N. I. Pirogov's letters. Metalanguage utterances reflecting the reflexivity of the author of the letters contribute to the organization of the addresser's communicative activity, provide an adequate understanding of the author's intention by the addressee, and also perform an emotionally expressive and accent functions, highlighting the semantically significant component of the utterance. The prospects of our investigation are connected with expansion of the circle of addressers whose letters can be used as material for the study. This will make it possible, on the one hand, to make generalizations that can be extrapolated to epistolary texts of the certain period, and, on the other hand, to compare the types and forms of manifestation of language reflexivity in the epistolaries of different authors.

Keywords: epistolary text, letter, linguistic reflexivity, metalanguage utterances, reflexives.